

Содержание

<i>Предисловие редактора русского издания</i>	9
<i>Предисловие (Перевод С. Зенкина)</i>	14
ИСТОРИЯ ВРАЧЕВАНИЯ МЕЛАНХОЛИИ (Перевод И. Стаф)	
Введение	19
Учителя древности	22
Гомер	22
Тексты Гиппократовского корпуса	24
Цельс	36
Соран Эфесский	39
Аретей Каппадокийский	40
Гален	44
Помощь философа	48
Сила традиции	53
Грех уныния (acedia)	53
Хильдегарда Бингенская	58
Константин Африканский	60
Эпоха Возрождения	63
Пары	69
Пережитки	71
Сиденгам	73
Фридрих Гофман	75
Анн-Шарль Лорри	76
Современная эпоха	79
Новые концепты	79
Пинель и Эскироль	83
Методы «морального врачевания»	86
Вращение	105
Путешествие	108
Лечение на водах	113
Музыка	115
Семейное врачевание	128
Можно ли бороться с наследственностью?	130
Новшества и разочарования	136
1900: предварительные пределы медицинской помощи	142
Библиография к диссертации 1960 года	144

АНАТОМИЯ МЕЛАНХОЛИИ (Перевод М. Неклюдовой)

Смех Демокрита	157
«Пылающий дух»	159
Фантазм отсутствия и раздвоение	165
Рефлексия значит сравнение	166
Выбор объекта и фальшивое зеркало	172
Утопия Роберта Бёртона	175
Сарданапалов пир	188
Смех или слезы	200
Исключительная связность	204
Игра без оглядки	213
Психологические науки Ренессанса	222
Между богословами и медиками	231
«Портрет доктора Гаше» Ван Гога	236
Спорный диагноз	236
Идентификация с врачом	237
Преграда для мысли	239
«Сущностная» меланхолия	241

УРОК НОСТАЛЬГИИ

Изобретение болезни (Перевод Е. Гальцовой)	247
История чувств: разметка дистанций	249
Здоровый швейцарский воздух	253
Мелодии и страсти	256
Опасность дробления	262
Литература утраченного детства	267
Об одной разновидности скорби (Перевод И. Стаф)	271
Стереотипы сладости	272
Звуки природы (Перевод И. Стаф)	279
Театр забвения	289
Ночь Трои (Перевод М. Гринберга)	295
Вопль Гекубы	299
Затрудненная речь	305
Волна у изголовья Мандельштама	315
«Черное пятно внутри образа» (Ив Бонфуа)	320

СПАСЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИРОНИЮ?

Трансцендентальная буффонада (Перевод Б. Дубина)	329
Инсценировка невероятного	336
Короли-меланхолики	343

Принцесса Брамбилла (<i>Перевод Б. Дубина</i>).....	349
Инициатический роман.....	349
«Шарлатанство».....	358
Романтическая ирония.....	366
Кьеркегор: псевдонимы верующего (<i>Перевод С. Зенкина</i>).....	371
Раскаяние и внутренняя жизнь (<i>Перевод С. Зенкина</i>)....	388

СОН И БЕССМЕРТИЕ В МЕЛАНХОЛИИ

Бодлеровские мизансцены (<i>Перевод В. Мильчиной</i>)	405
Пропорции бессмертия (<i>Перевод В. Мильчиной</i>).....	420
«Греза, превращающая в камень».....	424
«Большой комод с ящиками».....	428
Нелюбознательность.....	436
Рифмы для пустоты (<i>Перевод В. Мильчиной</i>).....	438
Livide.....	441
Avide.....	445
Ovide.....	448
Взгляд статуй (<i>Перевод В. Мильчиной</i>).....	453
Наказание и вознаграждение.....	455
Материал для Пигмалиона.....	457
Зрячие стены, пустые небеса.....	461
«Что за взгляд у этих глаз без зрачков!».....	466
«Нога, как у статуи».....	469
«Прекрасная, точно сон из камня».....	474
Государь и его шут (<i>Перевод М. Гринберга</i>).....	479
Банделло и Бодлер.....	486
«Отрицатели» и «преследуемые» (<i>Перевод В. Мильчиной</i>).....	495
Бессмертие «Вечного жида».....	504
«Сын и отец себя самого».....	511
Литературный временной режим: отречься от собственной жизни.....	515

ЧЕРНИЛА МЕЛАНХОЛИИ

«В твоём “ничто” я надеюсь обрести все...» (<i>Перевод В. Каратеевой</i>).....	523
«Es linda cosa esperar...» (<i>Перевод В. Каратеевой</i>).....	528
Наваждение Дон Кихота.....	528
Шорохи в ночи.....	530
Нарративное ожидание.....	534

Утро железного века	537
Воскрешение	540
Всем заправляет вымысел.	543
Г-жа де Сталь: не пережить смерть любви (Перевод В. Мильчиной)	545
Пьер-Жан Жув, мастер промежутка (Перевод М. Гринберга)	560
Сатурн в небе минералов (Перевод М. Гринберга)	574
«Спасут, быть может, черные чернила» (Перевод М. Гринберга)	589
Указатель имен.	602
Источники текстов.	613

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Творчество Жана Старобинского — выдающегося швейцарского филолога и историка культуры — уже хорошо знакомо отечественному читателю¹. Напомним кратко, что Старобинский — сын эмигрантов из Российской империи, переехавших в Швейцарию незадолго до Первой мировой войны, — родился в 1920 году в Женеве и практически всю жизнь прожил в этом городе, преподавая в Женевском университете историю французской литературы и историю идей. Мировую славу принесли ему работы о литературе и культуре XVI–XVIII веков: книги и статьи о Монтене, Корнеле, Расине, Руссо, Дидро, о культурной символике эпохи Просвещения и Французской революции. Старобинский — член Французского института (национальной академии) в Париже, признанный классик Женевской школы «новой критики», сформировавшейся в 1950-х годах и подготовившей возникновение структурализма и постструктурализма в литературоведении и культурной теории.

Многие из работ Старобинского, разбросанные в разных изданиях, за последние годы были переработаны автором и собраны в его новых книгах. Одним из таких сборников является и настоящий том, который вышел в Париже в 2012 году

1. Два основных издания его работ в русских переводах: *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1–2. М.: Языки славянской культуры, 2002; *Старобинский Ж.* Действие и реакция: Жизнь и приключения одной пары. СПб.: Владимир Даль — Культурная инициатива, 2008.

и в заголовок которого выставлена метафора «чернил меланхолии», взятая из «Фауста» Гёте. Составившие его тексты писались на протяжении нескольких десятилетий¹, и в них меланхолия рассматривается как феномен европейской культуры. Хотя меланхолические состояния, по-видимому, переживаются людьми всех стран и народов, но на Западе они получили многовековую и очень глубокую смысловую разработку; можно предположить, что меланхолия как форма человеческой негативности — это оборотная сторона динамики европейской цивилизации, устремленной к изменению, прогрессу и, следовательно, самоотрицанию. Поэтому история меланхолии в западном мире — различных форм ее научно-медицинского, философского и художественного осмысления — составляет одну из магистральных тем интеллектуальной и литературно-художественной истории. О ней написано множество работ, из которых здесь достаточно назвать лишь упоминаемую в «Чернилах меланхолии» классическую монографию трех немецких ученых — Раймонда Клибанского, Эрвина Панофского и Фрица Заксля².

По сравнению со своими предшественниками Старобинский рассматривает историю меланхолии в более «модернистском» аспекте: начинает изложение с античной эпохи, но не останавливается на раннем Новом времени, а доводит свой анализ до XIX и XX веков, до творчества своих современников Роже Кайуа и Пьер-Жана Жува, своего друга Ива Бонфуа. Главное же — он не ограничивается описанием исторических *идей и представлений* о меланхолии, включая ее изображения в литературе и искусстве, но показывает ее как реальную *действенную силу*, участвовавшую в создании философских концепций и произведений художественной словесности. Интеллектуальному историку вообще полагается сопоставлять между собой разные формы и дискурсы культуры, прослеживая в них сложную эволюцию одних

1. См. «Источники текстов» в конце наст. книги.

2. *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F.* Saturn and Melancholy: Studies in the History of Natural Philosophy, Religion, and Art. Nelson, 1964. Написанная в 1930-е годы по-немецки, эта книга вышла в свет лишь тридцать лет спустя на английском языке и после смерти одного из трех авторов — Фрица Заксля. Жан Старобинский в своей диссертации 1960 года, еще не зная этой монографии, ссылался на предварявшие ее исследования Панофского и Заксля 1920-х годов.

и тех же понятий и метафор; Старобинский подчеркивает эту «всеядность» истории, попеременно изучая в своих работах два резко различных дискурса о меланхолии: медицинский дискурс, для которого меланхолия есть чистый объект, предмет изучения и врачебной практики, и поэзию, где она порождает и одушевляет собой речь художника, составляет глубинное содержание его субъективности. Эти два полюса представлены в настоящем сборнике, с одной стороны, историко-медицинской диссертацией 1960 года¹ и некоторыми другими текстами, а с другой стороны, циклом статей о Шарле Бодлере, где тщательный, слово за словом, филологический разбор текстов показывает, как поэт из своего депрессивного мироощущения добывает гениальные образы и художественные жесты. Как это вообще характерно для «новой критики», Старобинский никогда не упускает возможности отметить в изучаемом тексте металитературную тематику — фигурирующие в художественных произведениях мотивы речи, пения, театральной игры, повествования, письма («чернила»); они показывают, что, говоря о меланхолии, писатель или поэт думает о самом себе, причем именно как о художнике в процессе своего труда. Меланхолия может одновременно и препятствовать его высказыванию, и — подобно другим трудностям, с какими он сталкивается, — стимулировать его, давать ему материал для творчества. Иными словами, меланхолия амбивалентна: не только мучительна, но и *благородна*, как выражались в эпоху Возрождения, — и изучение ее печального опыта, по словам автора книги, может стать «веселой наукой».

Жан Старобинский демонстрирует эту двойственность меланхолии на чрезвычайно разнообразном материале. Выше уже сказано об огромном хронологическом охвате его исследований и о сопоставлении в них двух культурных дискурсов — медицинского и литературного. Следует еще добавить, что свой материал он свободно черпает из наследия разных стран и культур: прежде всего из французской литературы, но также и из латинской (Вергилий, Овидий), английской (Роберт Бёртон), итальянской (Карло Гоцци), немецкой (Э.-Т.-А. Гофман), датской (Сёрен Кьеркегор),

1. Об обстоятельствах ее написания см. ниже, в авторском предисловии к «Чернилам меланхолии».

испанской (образцовый анализ одной из глав «Дон Кихота»), русской (разбор стихотворения Осипа Манделъштама «Бессонница, Гомер, тугие паруса...»), а также из культуры своей родной Швейцарии, где, в частности, была открыта — то есть впервые описана и осмыслена как культурный факт — такая специфическая форма меланхолии, как *ностальгия*. Он оперирует не только словесными текстами, но при необходимости и визуальными произведениями (фронтиспис к книге Бертона, картина Ван Гога), внимательно следит за текстуальными проявлениями телесного опыта (это тоже было одной из новаторских черт Женевской школы критики, к которой он принадлежит). В своих рассуждениях он умело пользуется философской диалектикой, применяет труды психоаналитиков («Скорбь и меланхолию» Фрейда, экзистенциальный психоанализ Людвиг Бинсвангера). Избегая глобальных историсофских схем и сосредоточиваясь на герменевтическом вникании в мировосприятие конкретного автора, в смысл и устройство конкретного текста, Жан Старобинский через понятие меланхолии раскрывает нам историческую судьбу западного человека.

В соответствии с французским изданием «Чернил меланхолии» в разных главах книги применяются не вполне совпадающие системы библиографических ссылок (полных или сокращенных). Содержание этих ссылок в настоящем издании оставлено неизменным, добавлены лишь ссылки на русские переводы цитируемых текстов и исключены некоторые ссылки на французские переводы иноязычных источников.

Стихотворные цитаты по возможности приводятся в уже имевшихся или специально сделанных для настоящего издания поэтических переводах (в последнем случае — без упоминания имени переводчика, поскольку он совпадает с переводчиком всей главы, содержащей цитату) и обычно сопровождаются оригинальным текстом в примечании; нередко оригинал цитирует в основном тексте и сам автор, переводя стихи, написанные на других языках. В нескольких особо сложных случаях — в статьях о Бодлере, содержащих

«пристальное чтение» французских стихов, — приходится наряду с оригиналом и поэтическим переводом давать еще и третью версию текста: прозаический подстрочный перевод, специально приспособленный для нужд анализа.

Во французском издании книга сопровождалась большим аналитическим послесловием испанского компаративиста Фернандо Видаля. В русском издании этот текст опущен, сохранена лишь краткая вступительная заметка Мориса Олендера, редактора серии издательства «Сей», в которой вышли «Чернила меланхолии».

С. Зенкин

Творчество Жана Старобинского находится в постоянном движении.

Подобно анатомии, разлагающей свой предмет в целях изложения, эта книга не стирает различий между разными слоями своего письма. Мы проходим здесь через «энциклопедический роман», где чтение и письмо, звуки и отзвуки сменяют друг друга, где читатель все время находится посреди знания, вырабатывающегося у него на глазах.

Тексты, составившие этот том, писались на протяжении более полувека; эти старые очерки и связанные с ними более новые исследования посвящены одной и той же теме, питавшей все творчество Жана Старобинского: «Чернила меланхолии».

Морис Олендер

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1957–1958 годах я служил интерном в университетской клинике Сери близ Лозанны и к концу этого периода подумал, что полезным делом будет обозреть тысячелетнюю историю меланхолии и ее врачевания. Тогда только что открылась эра новых лечебных препаратов. Целью моего труда, предназначенного для медиков, было обратить их внимание на долгую временную протяженность, в которую вписывалась их собственная деятельность.

Получив диплом лиценциата классической филологии в Женевском университете, я в 1942 году стал учиться на врача. Но одновременно я продолжал сохранять связи и с преподаванием словесности, исполняя должность ассистента на кафедре французской литературы Женевского университета. У меня складывался замысел диссертации о писателях — ненавистниках масок (Монтене, Ларошфуко, Руссо и Стендале), — а тем временем я занимался тем, что прослушивал, простукивал, просвечивал пациентов. Закончив учиться медицине в 1948 году, я затем пять лет был интерном в Терапевтической клинике при университетской больнице кантона Женева.

Эта моя двойная работа — медицинская и литературная — продолжилась в 1953–1956 годах в Университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. Но на сей раз главной моей задачей было преподавание литературы (Монтеня, Корнеля, Расина), хотя оно и сопровождалось регулярным присутствием на врачебных обходах и клиничко-патологических исследованиях в университетской больнице. Мне удалось воспользоваться

ресурсами Института истории медицины, где преподавали Александр Койре, Людвиг Эдельштейн, Овсей Темкин. Мне довелось неоднократно общаться с неврологом Куртом Гольдштейном, чьи работы так много значили для Мориса Мерло-Понти. На факультете humanities я каждый день общался с Жоржем Пуле и Лео Шпитцером.

Результатом этой стажировки в Балтиморе стала диссертация по французской литературе, защищенная в Женевском университете под названием «Жан-Жак Руссо: прозрачность и преграда» (вышла в издательстве «Плон» в 1957-м, затем в издательстве «Галлимар» в 1970 году). А первоначальный набросок исследования о Монтене принял окончательную форму лишь в более поздней книге — «Монтень в движении» (1982).

Я излагаю все эти этапы своей биографии в молодости, чтобы развеять одно недоразумение. Меня часто рассматривали как бывшего врача, занявшегося критикой и историей литературы. На самом же деле эти занятия смешивались между собой. В 1958 году мне был поручен в Женеве курс истории идей, который затем непрерывно продолжался, затрагивая и предметы, связанные с историей литературы, философии и медицины, а точнее — психопатологии.

Из моего интереса к истории меланхолии выросло ее первое последовательное изложение, почти повествовательный текст, останавливающийся на судьбоносной дате — 1900 год.

Перепечаткой этого первого своего исследования, долго распространявшегося почти подпольно, я и решил открыть настоящий том. Оно было выпущено в 1960 году для некоммерческого использования в серии «Acta psychosomatica», издававшейся в Базеле лабораторией Гейги. Эта «История врачевания меланхолии» и была моей диссертацией, представленной в 1959 году на медицинский факультет Лозаннского университета.

В этой работе я изначально не собирался освещать новые методы в лечении депрессивных синдромов, открытые или получившие точную кодификацию после 1900 года. Руководство лаборатории Гейги предполагало, что обзором методов XX века займется Роланд Кюн (1912–2005), главный врач кантональной психиатрической больницы в Мюнстерлингене (кантон Турговия). По своему клиническому опыту он

далеко превосходил меня. Он первым занялся исследованием фармакологических свойств трициклического вещества имипрамин (тофранил), ознаменовавшего новый этап в истории медикаментозного лечения меланхолической депрессии. Не знаю, по каким причинам этот обзор не получил осуществления. Роланд Кюн, внимательно следивший за фармакологическими новинками, не хотел отказываться и от философских или «экзистенциальных» подходов к душевным болезням. Будучи связан с Людвигом Бинсвангером и его «анализом “я”», а позднее близко общавшийся с Анри Мальдине, он хотел, чтобы психиатрическая практика не упускала из виду содержание переживаний. В одной из моих работ засвидетельствован мой интерес к исследованиям Роланда Кюна. Это статья, напечатанная в журнале «Критик» (№ 135–136, 1958 год), а затем перепечатанная под названием «Проективное воображение» в книге «Отношение критики». В ней специально идет речь о труде Кюна «Феноменология маски и тест Роршаха», изданном в 1957 году с предисловием Гастона Башляра¹.

В 1958 году я окончательно оставил врачебную деятельность. Соответственно, я не мог судить по данным из первых рук о результатах более новых методов лечения депрессии. Тем не менее часть своих лекций в Женевском университете я по-прежнему посвящал историко-медицинской тематике.

Различные мотивы, связанные с меланхолией, направляли мои исследования на протяжении более полувека. В своем нынешнем виде эта книга, зародившаяся еще в 1960 году и сложившаяся благодаря дружескому сотрудничеству Мориса Олендера, смогла приблизиться к своего рода «веселой науке» о меланхолии.

Жан Старобинский

Я признателен Фернандо Видалю, во многом способствовавшему созданию этой книги.

1. См.: *Starobinski J.* La Relation critique (nouvelle édition). Paris: Gallimard, 2008. P. 274–292; *Kuhn R.* Phénoménologie du masque à travers le test de Rorschach. Paris: Desclée de Brouwer, 1957 (французский перевод Жаклин Вердо).